

Р. Г. Ляпунова

**ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ
КАПИТАНОВ П. К. КРЕНИЦЫНА И М. Д. ЛЕВАШОВА
НА АЛЕУТСКИЕ ОСТРОВА (1764—1769 гг.)**

Со времени экспедиции Креницына — Левашова на Алеутские острова прошло уже более 200 лет. В свое время она ознаменовала определенный этап в истории исследования русскими людьми северо-западной Америки: переход от открытий и первоначального изучения цепи Алеутских островов и Аляски предприимчивыми купцами и промышленниками к планомерным изысканиям и исследованиям, в которых главная роль принадлежала военным морякам. Креницын и Левашов заслуженно считаются пионерами научного исследования северо-восточной части Тихого океана и продолжателями работ Первой и Второй Камчатской экспедиций¹. Экспедиция Креницына и Левашова впервые привезла специально собранный, достоверный материал о географии, гидрографии, природе и жителях Алеутских островов и части полуострова Аляски.

Кроме того, эта экспедиция сохраняет свое важное научное значение и в наши дни с точки зрения этнографического изучения алеутов — коренного населения Алеутских островов.

Этнографические материалы об алеутах, собранные Левашовым, представляют большую историческую ценность. Эти сведения дают нам представление о культуре алеутов, еще не затронутой европейским влиянием. В последующие десятилетия в ходе колонизации Алеутских островов сначала русскими, а с 1867 г. после продажи Аляски США, — американцами алеутская культура подверглась сильному разрушительному влиянию. Уже к началу XX в., менее чем через полтора столетия, древняя культура этого народа почти перестала существовать, а сами алеуты остались лишь в небольшом числе (от 16—20 тыс. ко времени открытия островов до 2 тыс. к началу XX в. и 1 тыс. в наши дни).

В начале 60-х годов XVIII в. в Петербурге было уже достаточно хорошо известно об открытиях русских купцов и промышленников в «Восточном океане». В донесении от 11 февраля 1764 г. сибирский губернатор Д. И. Чичерин сообщал Екатерине II об открытии мореходом С. Готовым и казаком С. Пономаревым самой восточной группы Алеутских островов (о. Умнака и о. Уналашки). В этом же донесении Чичерин предлагал послать на судах промышленников морских офицеров для составления точной карты новооткрытых земель.

4 мая 1764 г. Екатерина II подписала секретный указ Адмиралтейской коллегии об отправке на Камчатку опытных морских офицеров и штурманов для упорядочения морской службы у берегов Камчатки и для уточнения открытий русских купцов и промышленников, а также для

¹ И. П. Магидович, Петр Кузьмич Креницын и Михаил Дмитриевич Левашов, Сб. «Русские мореплаватели», М., 1953.

приведения в российское подданство жителей открытых островов. Начальником экспедиции был назначен капитан II ранга П. К. Креницын, а его помощником — капитан-лейтенант М. Д. Левашов.

Экспедиция Креницына — Левашова была связана с организованной в то же время по инициативе М. В. Ломоносова экспедицией В. Я. Чичагова (1764—1766 гг.) для поисков прохода Северным Ледовитым океаном в Камчатку. Обе экспедиции были сугубо секретными, так же как и последовавшая затем экспедиция Биллингса — Сарычева к северно-западным берегам Северной Америки (1785—1793 гг.). Официально экспедиция Креницына — Левашова именовалась «экспедицией для описи лесов по рекам Каме и Белой». Встреча экспедиций Чичагова и Креницына предполагалась в Тихом океане, но, как известно, Чичагову не удалось пройти дальше Шпицбергена.

По прибытии экспедиции Креницына — Левашова в Охотск, в октябре 1765 г., началась подготовка к плаванию: достраивались экспедиционные суда и пр. Для опознавания уже открытых русскими островов к участию в экспедиции были привлечены промышленники, уже побывавшие на Алеутских островах: С. Глотов, И. Соловьев и др.

После длительной подготовки, сопряженной с преодолением больших трудностей, в июле 1768 г. экспедиция вышла, наконец, в «Восточный океан» и направилась к Алеутским островам. В состав ее входили два корабля: галиот «Св. Екатерина» под командованием П. К. Креницына и гукор «Св. Павел», которым командовал М. Д. Левашов.

Больше двух месяцев корабли плыли, не теряя из виду друг друга, и только у самых восточных Алеутских островов 5 сентября 1768 г. разлучились в густом тумане. Левашов пишет, что это произошло «у острова Аляксы». Зиму 1768—1769 гг. Креницын провел на острове Унимаке, а Левашов — на о. Уналашке.

Зимовка обоих экипажей была очень тяжелой. Многие заболели цингой, не хватало продовольствия. У Креницына во время зимовки умерло 36 человек. У Левашова положение было несколько лучшим: умерло только трое и двое пропали без вести. Трудности в значительной степени вызывались тем, что не удавалось наладить мирные отношения с местным населением. Незадолго до прибытия экспедиции алеуты Лисьих островов, более воинственные, чем жители западной половины Алеутской островной цепи, оказали сильное вооруженное сопротивление пришедшим сюда судам промышленников. Одновременно в разных местах были уничтожены три русских судна с экипажами. Поэтому Креницын полностью отказался от контактов с алеутами. Но Левашов все же попытался наладить мирные отношения с алеутами, что ему и удалось до некоторой степени сделать.

Несмотря на большие трудности зимовки, оба отряда экспедиции вели исследования. В октябре и ноябре Креницын посылал партии для обследования п-ва Аляски и близлежащих островов. Левашов со своей группой проводил исследования на о. Уналашке.

23 июня суда отправились в обратный путь. Креницын прибыл на Камчатку 29 июля, Левашов — 24 августа. Перед отплытием из Камчатки в Охотск Креницын трагически погиб (утонул в р. Камчатке). Командование экспедицией принял на себя Левашов. В августе 1771 г. оставшиеся в живых участники экспедиции вернулись в Петербург.

В оценке результатов экспедиции Креницына — Левашова как современники ее, так и историки последующих времен расходились. Наряду с признанием больших заслуг экспедиции высказывались сомнения в ценности ее достижений.

Так, служивший на Камчатке капитан Т. И. Шмалев в 1771 г. писал, что экспедиция эта «мало пользы принесла, кроме только что убытку» так как «недалеко простиралась — не дальше Лисишных (т. е. Лисьих)

их.—Р. Л.) островов»². Ф. Ф. Веселаго, известный историк морского флота XIX в., утверждал, что «экспедиция Левашова и Креницына, как известно, окончилась неудачно»³. В XIX в. и другой историк морского флота А. П. Соколов, ознакомившийся в морском архиве с кратким отчетом Левашова, а также некоторыми другими документами, не усмотрел за экспедицией особых заслуг, но зато отметил невыполненные ею задачи и недостатки этого «бедственного плавания»⁴. И даже автор недавно вышедшей монографии «Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в.» Р. В. Макарова останавливается только на неосуществленных планах экспедиции и прямо пишет, что «экспедиция не выполнила возложенных на нее задач»⁵.

Но экспедиция Креницына — Левашова вызвала живейший интерес сразу же после ее окончания и в России и за рубежом, а особенно в Англии, соперничавшей с Россией в распространении влияния на северо-западную часть Тихого океана. Сведения об этой экспедиции появились в печати уже в 1777 г., но не в России, а в Англии: в работе английского историка В. Робертсона, которому Екатерина II во время его пребывания в Петербурге предоставила возможность ознакомиться с материалами экспедиции⁶. В 1780 г. вышла книга английского историка В. Кокса с более подробным освещением результатов плавания Креницына — Левашова и с приложением краткого отчета Левашова и карты плавания⁷. Эта книга выдержала несколько изданий. И только из книги Кокса материалы об экспедиции были перенесены в работу русского академика П. С. Палласа⁸. Сведения Г. А. Сарычева⁹ также основаны на книге Кокса. И лишь в 1852 г. А. П. Соколовым были опубликованы более подробные сведения об экспедиции Креницына — Левашова на основании изучения ряда документов морского архива. Эти многочисленные публикации материалов экспедиции Креницына — Левашова свидетельствуют о большом интересе, который проявлялся к ней, особенно в 80-х — 90-х годах XVIII в. В. Кокс полагал, что экспедиция Креницына — Левашова дала очень много нового для географического изучения Алеутских островов. Известный американский историк Банкрофт, основываясь на работе А. П. Соколова, высоко оценивал заслуги этих путешественников¹⁰. Замечательный русский исследователь и картограф М. Д. Тебенков также отдавал должное заслугам Креницына и Левашова, положившим начало научному изучению Алеутских островов¹¹.

Советский географ З. Н. Зубкова следующим образом характеризовала эту экспедицию: «...с нашей точки зрения, экспедиция Креницына и Левашова, протекавшая в весьма тяжелых условиях, внесла в гео-

² Центральный государственный архив древних актов, ф. 199, д. 528, ч. II, тетр., 6, л. 5. Цит. по кн.: Р. В. Макарова, Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в., М., 1968, стр. 146.

³ Ф. Ф. Веселаго, Краткая история русского флота, М.—Л., 1939, стр. 157.

⁴ А. П. Соколов, Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашова, 1764—1769 гг., «Записки гидрографического департамента», ч. X, СПб., 1852.

⁵ Р. В. Макарова, Указ. раб., стр. 146.

⁶ W. Robertson, The history of America, 2 vols., London, 1777.

⁷ W. Coxe, Account of the Russian discoveries between Asia and America. To which are added the Conquest of Siberia and the history of the transactions and Commerce between Russia and China, London, 1780.

⁸ «О Российских открытиях между Азиею и Америкю», «Месяцеслов исторический и географический на 1781 год», стр. 1—150. Позднее перепечатано в «Собрании сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы» за 1790 г., ч. IV, стр. 263—392.

⁹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, СПб., 1802 г.

¹⁰ H. H. Bancroft, History of Alaska, 1730—1885, The works of H. H. Bancroft, vol. 23, San Francisco, 1886, pp. 157—168.

¹¹ М. Д. Тебенков, Гидрографические замечания к атласу северо-западных берегов Америки, островов Алеутских и некоторых других мест северного Тихого океана, СПб., 1852.

графическую науку большой вклад... Карта, составленная Креницыным и Левашовым... представляет, несомненно, большой шаг вперед по сравнению с другими картами того времени: впервые на карту была нанесена и описана большая группа островов (свыше 30), и долго еще (до карт Тебенькова) этой картой пользовались мореходы и географы»¹². Высокую оценку деятельности Креницына и Левашова дал И. П. Магидович, расценивая их экспедицию как первое научное исследование северо-восточной части Тихого океана, внесшее значительный вклад в географическую науку¹³. Наконец, совсем недавно А. И. Алексеев следующим образом писал об этой экспедиции: «Экспедиция Креницына имела огромное политическое и научное значение. Она продемонстрировала перед всем миром решимость русского правительства закрепить успехи русских мореходов. Впервые Алеутские острова были исследованы с научными целями. Достоверные сведения о природе, жителях, расположении Алеутских островов и части Аляски возбудили еще больший интерес к ним и послужили толчком к организации других русских экспедиций»¹⁴.

Подходя формально, действительно, можно считать, что экспедиция Креницына — Левашова не справилась в должной мере с поставленными перед ней задачами. Но значение ее не уменьшается от того, что некоторые из заданий не были выполнены. Главное — научное и достоверное описание Алеутских островов и их жителей — было сделано и навсегда останется большой заслугой экспедиции. Велико было и практическое значение географических результатов плавания. Его материалами руководствовались многие позднейшие русские и иностранные исследователи северо-восточной части Тихого океана, начиная с Дж. Кука.

Следует отметить, что экспедиция Креницына — Левашова до сих пор не было уделено должного внимания в советской историографии. Она не стала еще, к сожалению, предметом специального исследования, не произведена полная обработка ее архива¹⁵.

Между тем архивные фонды, где хранятся дела этой экспедиции, содержат много данных, еще не использованных исследователями и не нашедших отражения в литературе. В частности, это касается этнографических материалов. Сведения о культуре и быте алеутов, имеющиеся в материалах Креницына — Левашова, позволяют сделать ряд ценнейших добавлений к уже известным сведениям о традиционной культуре алеутов.

В журнале Левашова¹⁶ имеются четыре отдельные статьи: «Описание острова Уналашки», «О жителях того острова», «О ясаке», «О промысле Российских людей на острове Уналашке разных родов лисиц». Из этих статей Соколовым была опубликована только статья о жите-

¹² З. Н. Зубкова, Алеутские острова, М., 1948, стр. 39.

¹³ И. П. Магидович, Указ. раб., стр. 111—124.

¹⁴ А. И. Алексеев, Гаврила Андреевич Сарычев, М., 1966, стр. 37.

¹⁵ Нужно отметить, что в недавно вышедшей в печати книге В. А. Дивина «Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII веке» (М., 1971) история этой экспедиции довольно обстоятельно освещена на основе архивных материалов. Кроме того, появились в печати статьи И. В. Глушанкова об этой экспедиции (см. «Природа», 1969, № 12, стр. 84, 85 и «Наука и жизнь», 1971, № 1, стр. 52—59). Отдавая должное трудам этого автора над архивными источниками, необходимо все же указать на необоснованность претензий И. В. Глушанкова на «открытие» материалов экспедиции Креницына — Левашова, в том числе альбома рисунков Левашова. Даже приводимый нами в этой статье перечень публикаций свидетельствует об этом. Кроме того, все документы экспедиции Креницына — Левашова (в том числе и атлас Левашова) указаны в путеводителе, изданном Центральным государственным архивом Военно-морского флота в 1966 г. («Тематический путеводитель (документальные материалы дореволюционного флота России)», составитель В. Е. Надводский, Л., 1966, стр. 180 и др.).

¹⁶ Центральный государственный архив Военно-морского флота (далее — ЦГАВМФ), фонд Архива гидрографии, ф. 913, оп. 1, д. 13, 130, 131; Фонд канцелярии вице-президента Адмиралтейской коллегии графа И. Г. Чернышева, д. 414, лл. 259—263 (краткий экстракт из журналов Креницына и Левашова).

лях, содержащая «этнографические подробности, тем более драгоценные, ибо алеуты, с принятием христианской веры, покидают свою старину, которая известна теперь более по преданиям»¹⁷. Но ни Соколов, ни его предшественники в публикациях материалов экспедиции ничего не сообщали об альбоме с этнографическими зарисовками. Между тем эти рисунки в составе альбома под названием «Атлас видов Камчатских и Алеутских островов, снятых капитан-лейтенантом Левашовым в 1767 г.» хранятся в фонде гидрографии ЦГАВМФ¹⁸. О них писал в 1947 г. А. И. Андреев¹⁹. Еще ранее часть из них использовал Ф. А. Голдер²⁰ в своей книге о плавании В. Беринга. И наконец, они приводятся в статьях И. В. Глушанкова²¹.

Эти восемь листов зарисовок (размером 44×29 см) — прекраснейшее дополнение к заметкам Левашова о жителях Уналашки. С этнографической точки зрения их можно признать подлинными шедеврами. На рисунках, раскрашенных акварельными красками, даны систематически подобранные и четко изображенные предметы материальной культуры алеутов, причем в полной мере самобытные, какими они еще были во времена Левашова. Сопоставляя записи Левашова с этими рисунками, мы получаем ценный материал для реконструкции оригинальной культуры алеутов. Зарисовки ряда предметов впервые дают нам наглядное представление о них, иллюстрируя некоторые черты культуры алеутов, никем больше не зафиксированные.

Кроме этих рисунков ценные материалы по этнографии алеутов — по их социальной организации — мы находим в дневниках экспедиции. Хотя это всего лишь небольшие крупницы данных, но при скудности сведений по социальной организации алеутов этого периода они представляют большой интерес.

О жилищах алеутов в статье Левашова, опубликованной А. П. Соколовым, сказано очень кратко: «...жилище имеют в земляных юртах, в которых сделаны подставки из выкидного лесу...»²². Но зато в альбоме три пары рисунков (наружный вид и внутренний — в разрезе) посвящены алеутским жилищам. Здесь представлены типы традиционных жилищ, которые вскоре под влиянием русских претерпели некоторые изменения в конструкции. Реконструкция же старых алеутских жилищ по имеющимся в источниках описаниям была затруднительна, из-за отсутствия достаточно четких и полных зарисовок.

Алеуты о. Уналашки жили в больших прямоугольных полуподземных коллективных жилищах. Иногда в селении было по два-три таких больших дома, а иногда все обитатели селения жили в одном доме. Строилась такая «юрта» следующим образом: по размеру будущего жилища делалось углубление в земле, затем ставили столбы — подпоры²³, на которые клали поперечные балки; на них опирались косо поставленные колья, другим концом втыкавшиеся в земляные насыпи по периметру сооружения, уже на этих кольях закреплялись поперечные жерди. На такое решетчатое куполообразное перекрытие клали плетеные из травы маты, сухую траву и, наконец, дерн. Прямоугольные осветительные люки в крыше жилища служили также входом и выходом. У небольших «юрт» было от двух до пяти таких люков, а у больших — до десяти. Поднимались из «юрты» и пускались в нее по столбу с заруб-

¹⁷ А. П. Соколов, Указ. раб., стр. 97.

¹⁸ ЦГАВМФ, фонд гидрографии, № 1331, оп. 4, д. 702.

¹⁹ А. И. Андреев, Русские открытия в Тихом океане в XVIII в. (обзор источников и литературы), сб. «Русские открытия в тихом океане и Северной Америке в XVIII в.», М., 1948, стр. 64.

²⁰ F. A. Golder, Bering's Voyages, vol. 1, N. Y., 1922.

²¹ О публикациях И. В. Глушанкова см. сноску 15.

²² А. П. Соколов, Указ. раб., стр. 101.

²³ Алеуты пользовались древесиной, выбрасываемой морем, плавником.

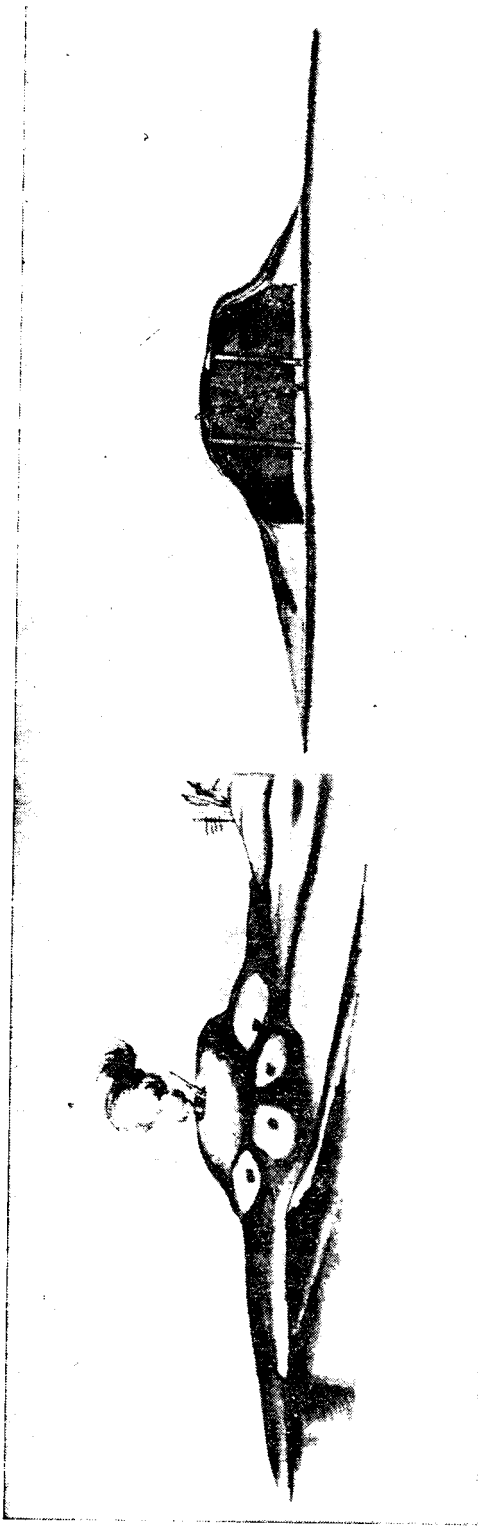

Рис. 1. Традиционное жилище алеутов о. Уналашки. Наружный вид и внутренний вид (в разрезе). (ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, л. 702, л. 28)

ками. Каждая семья размещалась в отгороженных столбами и циновками отдельных помещенных вдоль стен. Кроме того, в старых сообщениях указывается, что некоторые семьи делали внутри этих жилищ отдельные «каморки», вырывая ниши в земляных насыпях. В этих «каморках» были свои осветительные люки. Именно такое жилище мы и видим на рисунках Левашова (рис. 1, 2).

Изображенное на рис. 3 жилище имеет подпись: «...вид юрты, в которой на острове Уналашке капитан-лейтенант Левашов с командой зимовал». Из дневника Левашова мы узнаем, что эта «юрта» была выстроена командой судна. По рисунку видно, что конструкция этого жилища в основном алеутская, но русские строители внесли в нее ряд изменений. Вход в «юрту» сделан не сверху, а сбоку, через низкую пристройку в виде русских сеней; люки сверху служили только для освещения и для выхода дыма от костра, которым обогревали жилище. В алеутских же «юртах» костров, как правило, не жгли: жилище не обогревалось, а для освещения пользовались жирниками. Способ же обогрева алеутов описан Левашовым: «А во время студеные погоды, оные жители, в юртах и в проезде, выходят на берег согреваться: ставят между ног с китовым жиром плоску; и зажигают тот жир, положи на него сухую траву, от чего и нагреваются»²⁴.

Интересны и записи в журнале Левашова о числе селений на о. Уналашке и о количестве жителей: «...на нем обывательских жилищ в разных местах числом 16, в которых жителей мускова полу до пяти сот человек, а женскова очень более...

²⁴ А. П. Соколов, Указ. раб., стр. 102.

якобы наперед сего оной остров был многолюден точно во время нападений на российские промышленные суда получили и они много урону да и з голоду померло множество в 761 году»²⁵.

Большое внимание уделил Левашов в своей статье байдаркам, являвшимся основным средством передвижения у этого островного народа. Для алеутов — морских охотников и рыболовов — наличие байдарки было непременным условием обеспечения продовольствием.

Байдарки алеутов были однолучными, но с приходом русских они стали строить двух- и трехлучные — для гребца и охотника с ружьем или для гребцов и пассажира. В своей статье Левашов так описывает байдарки: «У них сделаны байдарки на подобие челноков, из тонких деревянных трещин, обтянуты опареной котовой или нерпичьею кожей, как дно, так и крышка; длиной те байдарки от 16 до 18 фут, шириною по верху 1,5 фута, и другие несколько более, глубиною 14 дюйм; и на середине круглое отверстие, в которое садится человек на дно той байдарки; в руках имеет одно весло, у которого на обоих концах сделаны лопаточки, и гребет им на обе стороны; а во время волнения, обтягивает около того отверстия и около себя, выделанною широкою китовой кишкою, чтоб не могла в байдарку попасть вода»²⁶.

В альбоме Левашова имеются два рисунка, изобраающие алеута в байдарке в полном облачении (в камлейке из кишок, в поясе из кишечных полос, в деревянной шляпе-козырьке) и вооружении (с копыями гарпунами и металлической дощечкой на верху байдарки) для морской охоты (рис. 4). Изображены в разрезе и остовы этих байдарок. Все эти рисунки дают хорошее представление о байдарках алеутов и снаряжения охотника в море.

Относительно многovesельных кожаных лодок (байдар), служивших у алеутов для перевозки большого числа людей с острова на остров, а также грузов, в статье Левашова ничего не сказано. В литературе встречаются лишь упоминания об этом типе лодок, но нет ни подробных описаний, ни зарисовок. Вскоре после прихода русских типично алеутские байдары стали редкими на Алеутских островах, а потом и совсем исчезли. Они были вытеснены другим типом кожаной многovesельной лодки: байдарами, употреблявшимися русскими промышленниками, делавшими кожаные байдары по образцу корякских. Эти байдары промышленники строили и на Командорских островах, где многие суда зимовали перед плаванием на Алеутские острова. Чаше же их строили уже на Алеутских островах. Некоторые исследователи считают алеутским типом байдары

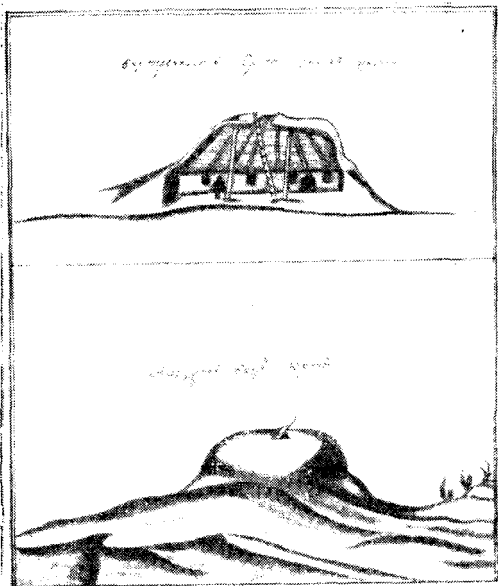

Рис. 2. Традиционное жилище алеутов о. Уналашки. Надписи на таблице: «внутренность юрты оных жителей», «наружный вид юрты». (ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 702, л. 24).

²⁵ ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 131, л. 326 (об.).

²⁶ А. П. С о к о л о в, Указ. раб., стр. 102.

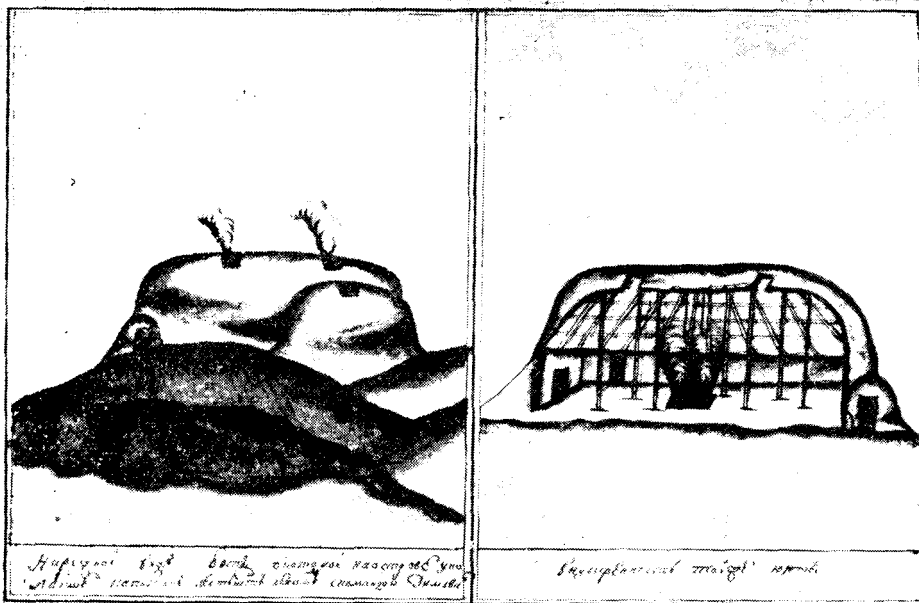

Рис. 3. Жилище, построенное командой «Св. Павла» для зимовки на о. Уналашке. Надписи на таблице: «наружный вид юрты в которой на острове Уналашке капитан лейтенант Левашов с командою зимовал», «внутренность той же юрты». (ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 702, л. 26)

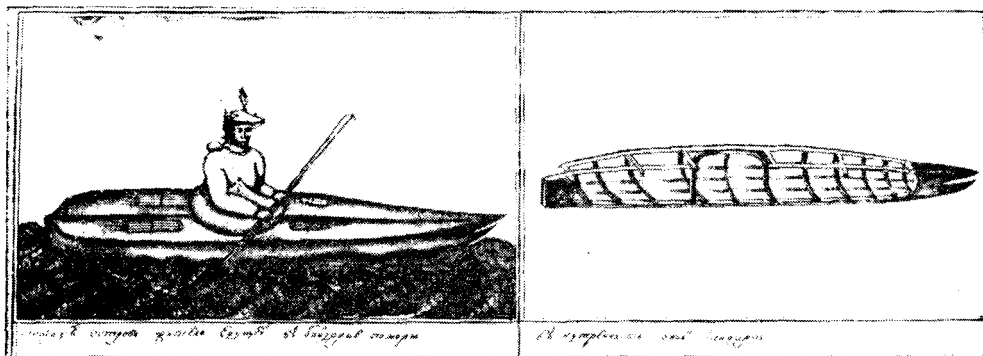

Рис. 4. Алеут о. Уналашки в байдарке. Разрез остова байдарки. Надписи на таблице: «того ж острова житель едущей в байдарке по морю», «внутренность оной байдарки». (ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 702, л. 27)

именно такую байдару русских промышленников, т. е. в основе корякскую²⁷. Рисунки Левашова помогают, наконец, прояснить этот вопрос.

На одном из рисунков в альбоме Левашова мы видим изображение байдары промышленников с надписью «байдара или коженная лотка» и однолопастного весла к ней с надписью «оной байдары весло» (рис. 5). Она имеет закругленные нос и корму, характерные для корякских байдар, но вместе с тем здесь сделаны и руль, и уключины для весел, восемь скамеек для гребцов, чего нет на настоящих корякских байдарах.

Но другой рисунок из альбома Левашова (с боковым видом и разрезом), безусловно, изображает традиционную алеутскую байдару, хотя надписи здесь никакой нет (рис. 6). У этой байдары заостренный нос и раздвоенный форштевень, что характерно также и для алеутских бай-

²⁷ B. Durham. Canoes and kayaks of Western America, Seattle, 1960, p. 21.

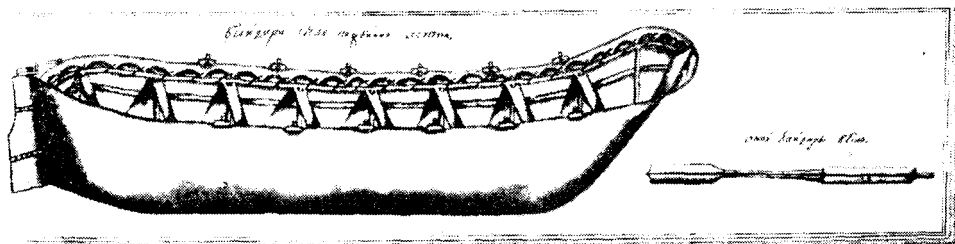

Рис. 5. Байдара русских промышленников. Надпись на таблице: «байдара или кожаная лотка», «оной байдары весло». (ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 702, л. 27)

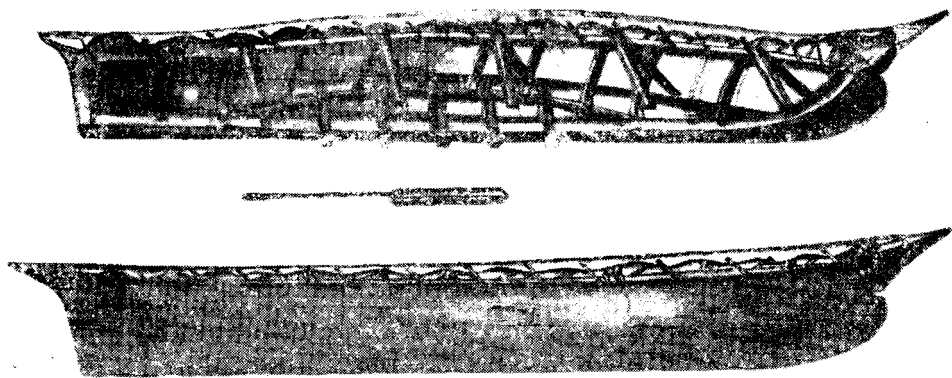

Рис. 6. Традиционная алеутская байдара. (ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 702, л. 22)

дарок. Заострена и корма. Скамеек здесь нет, имеются только узкие поперечные распорки-бимсы (в ранних сообщениях говорится, что алеуты в байдарках сидели прямо на днище, а не на скамейках). Этот рисунок Левашова представляет большую ценность, так как это единственное изображение традиционной алеутской байдары.

Имеющиеся в работе В. И. Иохельсона зарисовки байдар представ-ляют тип алеутских байдар уже начала XX в. В их конструкции есть элементы традиционной алеутской байдары и элементы, привнесенные русскими. Они имеют заостренный нос, но раздвоения форштевня нет, корма их почти отвесная, имеются скамейки²⁸.

Орудия охоты и рыболовства и вооружение алеутов были также объектами пристального внимания Левашова. В статье Левашова сообщается об этом сравнительно кратко: «Рыбу промышляют костяными крючками, привязывая на длинную морскую капусту, которою делают сперва, напаяют китовым или другим жиром; а потом просушивают. Зверей и птиц бьют стрелами костяными; вкладывая их в деревянные

²⁸ W. Jochelson, History, ethnology and anthropology of the Aleuts, Washington, 1933, p. 56, 58.

тонкие штоки, бросая правой рукою с дощечки... А имеют же они и каменные стрелы, которые вкладываются в деревянные же штоки; а употребляют их во время бою с людьми, потому что от сильного ударения по тонкости стрел, камень ломается и остается в человеке»²⁹. Рисунки наглядно показывают интерес Левашова ко всем вещам, связанным с основными производственными занятиями алеутов и воинственным образом их жизни: они дают очень полное представление об этих предметах. На одном из рисунков под каждым изображением есть подпись, поясняющая для чего служит данный предмет и из какого материала он сделан. На этих рисунках (см., напр., рис. 7) есть легкий неповоротный гарпун для охоты на бобров; дротик для охоты на птиц; поворотный гарпун (рядом отдельно изображен наконечник с колком) для охоты на сивучей и нерп; метательная дощечка (отдельно показано, каким образом бросают с ее помощью дротики и гарпуны). На одном из рисунков есть изображение алеутского лука, деревянного щита и деревянного панциря. Луки и стрелы у алеутов, так же как и щиты и панцири, с приходом русских довольно быстро вышли из употребления. Это было главным образом военное вооружение. С приходом же русских войны алеутов с соседями (эскимосами, тлинкитами) прекратились, а сопротивление их русским было быстро сломлено: алеуты стали «мирными». Из оружия, применявшегося в военных столкновениях, в обиходе алеутов остались только копья с костяными наконечниками и обсидиановыми копейцами, так как их употребляли еще и для охоты на китов. Бобровые же гарпуны и гарпуны для охоты на ластоногих были в употреблении у алеутов вплоть до XX в. Таким образом, особую ценность среди изображенных в альбоме Левашова орудий охоты и вооружения алеутов имеют зарисовки лука, щита и панциря, которые являются совершенно уникальными.

Одежда алеутов охарактеризована в статье Левашова так: «Платья носят — мужчины из разных птичьих кож с перьями, называемые парки, длиною до пят. Сверх оных парок, во время езды на байдарках или в дождливое время, надевают шитья из китовых тонких кишок, называемые камлеи... Женщины платье длиною носят такое ж, как и у мужчин, токмо шито из морских котов; а шьют иглами костяными, нитки делают из китовых жил»³⁰.

Пять зарисовок посвящены одежде. Рисунки Левашова хорошо передают покрой, способы украшения и материал одежды. Особый интерес представляют женские одежды из «котовых кож», т. е. из шкур морских котиков. Эти одежды уже вскоре после пребывания Левашова на о. Уналашке вышли из употребления у алеутских женщин и были заменены одеждой из менее ценных, с точки зрения русских промышленников, материалов. Шкуры котиков всевозможными средствами (обменом на русские товары и безделушки и, наконец, насильственным путем) переходили к русским промышленникам. Женщины стали носить парки из птичьих и нерпичьих кож, а затем из привозных европейских тканей.

О головных уборах Левашов сообщает следующее: «... на головах носят шапки деревянные, утыканые перьями и сиучьими усами, також укладены разных цветов корольками и маленькими, сделанными из кожи или мягкого белого камня, статушками...»³¹.

В альбоме есть рисунок (см., напр., рис. 7) деревянных охотничьих шляп-козырьков, которые носили рядовые алеуты, в то время как у вождей были шляпы подобного же вида, но с закрытой конической верхушкой. Привлекает внимание на этих рисунках то, что шляпы-козырьки украшены перьями. Таким образом, вызывавшие сомнения ранние со-

²⁹ А. П. Соколов, Указ. раб., стр. 103.

³⁰ Там же, стр. 99—100.

³¹ А. П. Соколов, Указ. раб., стр. 99.

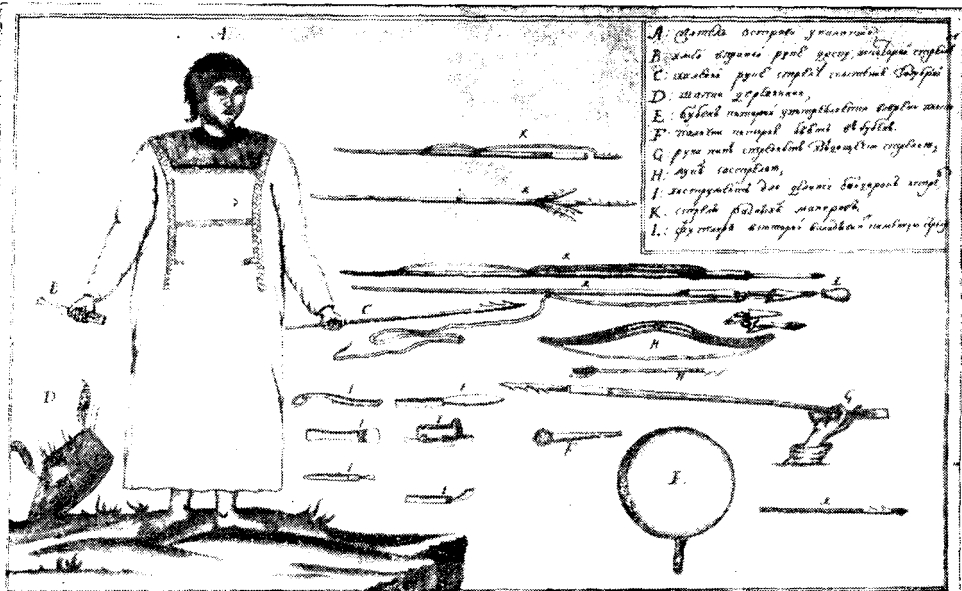

Рис. 7. Алеут и предметы, связанные с мужскими занятиями. Надпись на таблице: «А: житель острова Уналакши, В: имея в правой руке доску ис которой стреляет, С: а в левой руке стрелу с костеною зазуброй, D: шапка деревянная, E: бубен которой употребляется во время пляски, F: палочка которую бьют в бубен, G: рука как стреляют из дощечки стрелою, H: лук со стрелою, I: инструмент для делания байдарок и стрел, K: стрелы разных манеров, L: футляр в которой вкладывают каменную стрелу». (ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 702, л. 23)

общения о том, что алеуты украшали шляпы перьями, а не только сивучьими усами, как это было в более позднее время, можно считать правильными. А этот вопрос имеет важное значение для изучения религиозных представлений алеутов, в которых птицам отводилась особая роль.

Традиционные, вышедшие из употребления уже к началу XIX в. украшения алеутов также подробно описаны в статье Левашова: «...мужчины ... в нижнюю губу вставляют, сделанные из такого же камня («мягкого белого». — Р. Л.), а другие из кости, на подобие больших зубов; и между ноздрей, в хряще, в проколотую нарочно дырочку, кладут какую-то черную траву или кость, на подобие нагелька (гвоздя. — Р. Л.); а в хорошее время, или во время веселья, в ушах, да и между вставленных зубов в нижней губе, навешивают бисер или янтарики, которые достают с острова Аляксы, меною на стрелы или камлеи, а более войною ... женщины ... щеки поперег ряда в два или три вытыканы и натерты изсиня краскою; в носу ж, как и у мужчин, в хряще продега костяная спица, длиною дюйма три с половиною, а на концах оной, вокруг рта и на ушах, навешаны корольки и янтарики... Около ушей навешан бисер, который меняют у Российских промышленных людей на бобы и лисицы; на руках и на ногах обшиты узкие, из нерпичьей или котовой кожи, нагавочки»³².

На рисунках в альбоме Левашова (см., напр., рис. 8) видны также женские украшения. Уникальными среди них являются зарисовки узоров — татуировок (два варианта) и зарисовки шейных ожерелий двух видов: из полоски кожи и из крупных круглых бусин.

Для характеристики орудий труда алеутов, деревянной утвари рисунки Левашова являются единственным достоверным источником, так

³² А. П. Соколов, Указ. раб., стр. 99—100.

Рис. 8. Алеутка и предметы, связанные с женскими занятиями. Надпись на таблице: «А: Острова Аналакши жителей женщина, В: копарулька которой вырывают из земли разные коренья для пищи своей, С: корзина травяная, Д: чирель травяной, которой употребляют вместо постели, Е: поес употребляется во время пляски, F: ложки костяные, G: ножи железные, H: посуда деревянная». (ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 4, д. 702, л. 24)

как русские орудия труда очень быстро сменили традиционные алеутские, а деревянную посуду заменили привозимые русскими железные котлы, кастрюли и др. Так, на таблице с изображением мужчины (рис. 7) мы видим чрезвычайно интересную зарисовку набора инструментов «для делания байдар и стрел» (что составляло одну из занятий мужчин). На таблице с изображением женщин (рис. 8) мы видим орудия труда женщин и их изделия. Это во-первых, женские ножи для раскроя шкур. В правой руке женщина держит палку-копалку («копарульку») — орудие для выкапывания из земли съедобных кореньев. Это единственное в своем роде изображение этого орудия. Собирательство у морского берега сбор ягод также были женскими занятием. В левой руке женщина держит корзину. На таблице есть также зарисовка циновки. Плетение корзин и циновок также было делом женщин.

Социальная организация алеутов с приходом русских стала быстро терять самобытные черты. Вследствие этого сведений, характеризующих ее, крайне мало. В материалах экспедиции Креницына — Левашова мы находим ценнейшие сведения об алеутском обществе, еще не изменившимся под воздействием контактов с русскими. Часть этих сведений находится в статье Левашова, а часть — в дневниках. В статье Левашов приводит данные, характеризующие неоднородность общества алеутов «по своему достатку». По его сообщениям, от «достатка» зависит количество жен у мужчины. «Жен имеют они по своему достатку, по 1, по 2, по 3, по 4 и более.... Если которой мужик на сколько жен может сделать парок, столько и жен имеет... А если которой муж не любит жену, то может ее продать или променять другому; а наипаче с голоду — отдает жену за пузырь китового жиру...»³³.

В дневниках Левашова мы встречаем характеристику тойонов глав селений-жилищ: «В каждом жиле есть старшины, называемые Тупу или тоены по одному и по два, которые дальней над жителями власти не имеют, а работают с протчими наряду, тот и тоен — который имеет у себя больше детей и по смерти отцовской на его место сына уже не определяют, если не имеет он никакой подпоры а становитца тот тоеном которой сильнее и проворнее во всех их обращениях»³⁴. Затем есть и такие сведения: «... выше писанные начальники, сами тут как своих байдарок, так и убору в байдарки ничего не работают, а убирают у них слуги, коих название — калиги»³⁵.

³³ А. П. Соколов, Указ. раб., стр. 98—99.

³⁴ ЦГАВМФ, ф. 179, оп. 1, д. 131 (1796), л. 326 об.

³⁵ ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, № 408, ч. 1, л. 241 об.

Здесь мы видим и указание на расслоение общества, на существование рабов, так как эти «слуги», называвшиеся «калги», и были рабами у алеутов. В статье «О жителях» Левашов пишет, что с «острова Аляксы» «войною» добывают «баб, девок и ребят себе в холопы, а по их названию в калги»³⁶.

Кроме того, очень интересны свидетельства Левашова о положении сирот в алеутской общине: «...Примечено у жителей здешнего острова в разных юртах много бедных маленьких ребят совсем голых и в крайней нечистоте живущих, о коих через толмача уведомленность, что они беспомощные сироты а питаются только собирая при убылой воде ракушки и оставшимися от взрослых людей оглоданными рыбными костями». На просьбу Левашова продать их русским в услужение на «платья и рубашки» тоены «с охотою и согласились»³⁷. И еще есть запись в дневнике, что купили мальчика-сироту в услужение у тойона макушинского селения: «... не имеет у себя отца и матери и кормится нечем, кроме как только собирая на берегу ракушки и выкидную морскую капусту»³⁸.

Все эти сведения, вместе взятые, дают повод пересмотреть некоторые существующие положения относительно характеристики алеутского общества. Они говорят об имевшем место уже до прихода русских значительном разложении общинно-родовых отношений.

Есть сведения в дневниках Левашова и о племенных или территориальных подразделениях, существовавших у алеутов. Они позволяют проверить и подтверждают другие фрагментарные сведения подобного рода, имеющиеся в литературе. «...Называются тех островов люди острова Уналашки коголаги, острова Акутана и далее к О до Унимака называются кигигусы, острова Унимака и Аляксы называются катагаегики, а почему оное на себе несут название не знают и говорят, что де прежде так назывались а российские промышленные люди называют их алеутами, хотя название взято с ближайших к Камчатке островов, которые прозваны подштурманом Наводчиковым в бытность его на тех островах а с чево неизвестно ...»³⁹.

Относительно религии и празднеств алеутов интересные наблюдения у Левашова в статье «О жителях»: «Оной народ не имеет никакого закона. Бога не исповедует, да и никакого к тому понятия не имеет; и никакого ж служения и поклонения не имеет же. А имеет таких людей, которые сказывают им будущее, кто об чем загадывает, а называют их шаманы или колдуны, которые объявляют будто им обо всем сказывает дьявол; а во время их веселостей, в плясании надевают на себя сделанные из дерева и выкрашенные разными красками маски, а лучше назвать хари, которые сделаны, по их объявлению, на подобие казавшихся им во время шаманства дьяволов, а по ихнему кугаых: и во время той пляски бьют в бубны, сделанные обычайно на подобие обруча с рукояткою, и обтянуты китовою тонкою кожею; и кричат все, как мужчины, так и женщины песни; мужчины сидят особливо толпою, тоже и женщины; и пляшут по одному человеку, начиная с малых ребят, а женщины по одной и по две, имея в руках по пузырю надутому. И оная веселость начинается у них по прошествии котового промыслу, т. е. с половины декабря и продолжается до апреля месяца»⁴⁰.

Эти сведения в альбоме Левашова дополняются рисунками бубна с колотушкой к нему и плясовых поясов (см., напр., рис. 7, 8), единственными в своем роде изображениями этих предметов, упоминающихся в некоторых ранних источниках.

³⁶ А. П. Соколов, Указ. раб., стр. 100.

³⁷ ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, № 408, ч. 1, л. 252 об.

³⁸ Там же, № 414, л. 265.

³⁹ ЦГАВМФ, ф. 179, оп. 1, д. 131 (1796), л. 332 об.

⁴⁰ А. П. Соколов, Указ. раб., стр. 97—98.

Приведенный материал свидетельствует о значительном вкладе экспедиции Креницына — Левашова в изучение традиционной культуры алеутов. Этот материал еще далеко не полностью учтен исследователями и до настоящего времени не потерял своего научного значения. Не следует забывать, что все последующие экспедиции не могли уже наблюдать и фиксировать многие из тех сторон культуры и быта алеутов, которые засвидетельствованы Левашовым. Так, в области материальной культуры уникальными остаются данные Левашова о наборе орудий для изготовления байдарок и стрел; об оружии и доспехах алеутов — луке, щите, панцире; о женской одежде из меха котика; об охотничьих головных уборах, украшенных перьями. Столь же уникальны и сведения Левашова относительно некоторых сторон социальной организации алеутов. Для изучения празднично-обрядовых представлений алеутов существенны их описание Левашовым, а также уникальные изображения бубна с колотушкой и плясовых поясов.

Нельзя не отметить удивительную этнографичность рисунков Левашова. Так, две таблицы с дублетами к ним, одна из которых изображает мужчину-алеута и предметы, связанные с занятиями мужчин, а другая — женщину и связанные с занятиями женщин предметы, содержат почти полный и систематизированный подбор предметов материальной культуры алеутов. Причем изображения всех предметов исключительно подробные, а кроме того, снабжены подписями, поясняющими назначение предмета и материал, из которого он изготовлен. Такая же четкость при изображении важных для этнографии деталей характеризуют и другие рисунки.

В целом можно сказать, что этнографический материал экспедиции Креницына — Левашова — ценнейший фонд для реконструкции традиционной культуры алеутов.

**ETHNOGRAPHIC MATERIALS OF THE EXPEDITIONS
TO THE ALEUTIAN ISLANDS UNDER CAPTAINS P. K. KRENITSIN
AND M. D. LEVASHOV (1764—1769)**

The Krenitsin — Levashov expedition was the first Government-organized expedition sent to the coast of North-West America with the purpose of scientific research after the discovery of North-West America and the Aleutian Islands by Bering and Tchirikoff in 1741.

The expedition brought back valuable data on the geography and population of the Aleutian Islands and part of Alaska Peninsula. The abundant ethnographical materials of the expedition represent the original Aleutian culture untouched by European influence. The materials of this expedition stored in the archives are still largely unpublished. Among them is Levashov's album with 8 sheets of excellent ethnographic drawings with informative notes.
